

ОТ МАНУФАКТУРЫ К ФАБРИКЕ (30–50-е гг. XIX в.)

Введение машин в отделочное производство и возникновение бумагопрядильных фабрик. В 30–50-х гг. XIX в. процесс разложения крепостного хозяйства, начавшийся со второй половины XVIII в., ещё более углубился. Несоответствие старых феодальных отношений характеру развития производительных сил становилось всё острее по мере развития капиталистической промышленности и применения наёмного труда. Назревал кризис крепостнической системы, подрываемой растущими в недрах её капиталистическими отношениями. Ликвидация крепостного права стала исторической необходимостью.

Новые явления, свойственные капиталистическому укладу, ярче всего проявлялись в промышленности. В конце 30–40-х гг. XIX столетия в России начинается промышленный переворот, появляются первые машины. Мануфактуры, где применялся труд крепостных, с проникновением машин начинают хиреть. Часть их закрывается, не выдерживая конкуренции с предприятиями, основанными на вольнонаёмном труде, куда раньше всего проникли машины. Машины и наёмный труд вытесняют крепостную и посессионные мануфактуры.

Большое значение для механизации хлопчатобумажного производства имела отмена в 1842 г. существовавшего в Англии запрещения на вывоз машин для текстильного производства.

Кризис крепостнических отношений имел в Иванове яркое выражение. О кризисе говорили изменения, которые произошли в это время в промышленности села как в техническом, так и в социальном отношениях. С конца 20-х гг. XIX в. началось проникновение машин в хлопчатобумажную промышленность. Машины получили применение в отделочном производстве, в это же время появилось механическое прядильное производство и положено было начало внедрению механического ткацкого станка. Одновременно с изменениями в технике производства произошло важное изменение в положении предпринимателей: крупные ивановские фабриканты в 30-х гг. освободились от крепостной зависимости.

К концу 20-х гг. XIX в. социально-экономические предпосылки для перехода к машине уже имелись в промышленности Иванова. В хлопчатобумажной промышленности, одновременно с многочисленными, разбросанными в разных местах, ткацкими светёлками, работавшими на крупных предпринимателей, были и крупные отделочные централизованные предприятия, применявшие вольнонаёмный труд; образовались значительные капиталы

и кадры наёмных рабочих; увеличивался основной капитал мануфактур, о чём говорила постройка каменных фабричных зданий; предприниматели захватывали весь производственный процесс, в их руках вместе с набивкой находилось и ткачество через раздачу пряжи по деревням.

Создавался обширный рынок для хлопчатобумажной промышленности: ивановские ситцы расходились через ярмарки по всей тогдашней России, шли на заграничный восточный рынок.

В условиях крепостного права процесс механизации совершался очень медленно. Хотя машина пробивалась и через крепостные перегородки, но в 20-х и первой половине 30-х гг. XIX в. в Иванове преобладало ручное набойное производство. Число набойщиков в селе доходило до 7000 человек, часть которых работала на крупных предприятиях, часть в своих домашних небольших заведениях.

В 1830-е гг. река Уводь была буквально запружена мытилками, а берега её застроены заварками. Заварки представляли собой подобие частокола, до такой степени теснились они одна к другой. Все отбросы из заварок направлялись в реку, вода в Уводи испортилась совершенно.

В набойном деле развивалась сильнейшая конкуренция. Плата набойщикам значительно снизилась. Набойщикам стали платить не с аршина, как прежде, а со штуки (с куска от 40 до 50 аршин длины). В половине 30-х гг. рабочим платили от 50 коп. до 1 руб. серебром со штуки. В условиях жестокой конкуренции этого времени и появилось в Иванове первое механическое ситцепечатное заведение с цилиндренными машинами вместо традиционных набойных досок «манер».

Ручная набивка ситцев была одним из узких мест хлопчатобумажного производства, она всецело зависела от мускульной силы, глазомера и быстроты движений руки набойщика, поэтому была операцией крайне медленной. Цилиндренная машина увеличивала производительность в 200 раз.

Впервые цилиндренная машина была поставлена в 1826 г. на предприятии Спиридонова в сельце Воробьёве около Иванова (в настоящее время Б. Воробьёвская и другие улицы), а в 1829 г. на предприятиях Гарелина и Бабурина в селе Иванове. Первые машины получены были из Москвы.

Цилиндренная машина представляла большой деревянный стан, на кото-

Ситцеплаточнопечатная фабрика Фокиных, ул. Крутицкая.
Фото нач. XX в.

ром укреплялся восьмипудовый чугунный вал, вставлялись медные цилиндрические валы с выгравированным на всей поверхности их узором. Миткаль, подлежащий набивке, заранее сшивался и сматывался с особого вала бесконечной лентой. Цилиндренные машины, на первых порах, приводились в движение лошадьми. Они стали вытеснять ручную набивку. В 1832 г. в Иванове на фабрике Гарелиных появилась первая паровая машина в 12 лошадиных сил. Пар употреблялся как двигатель, а также применялся и к другим операциям – для согревания воды при белении, при варении красок, для высушивания и запаривания ситцев.

Появлению парового двигателя в промышленности В. И. Ленин придавал особенно большое значение. «Применение паровых двигателей к производству является одним из наиболее характерных признаков крупной машинной индустрии»,¹ – писал он.

Одним из толчков к введению паровых машин был вопрос о топливе. Запасы дров в окрестностях Иванова быстро истощались, и цены на них поднимались. Введение паровых машин сокращало наполовину расходы на топливо.

Непосредственным последствием введения цилиндропечатных машин и паровых двигателей явилось уменьшение с 15 до 10 руб. серебром в месяц задельной платы набойщикам. Машины вводились несмотря на явно враждебное отношение к ним рабочих, вводились потому, что выгода от них была слишком явна.² Иначе говоря, для эксплуатации рабочих создавались более широкие возможности.

В конце сороковых годов XIX в. (вероятно, в 1848 г.) в отделочном производстве на предприятиях села Иванова появились перротины, которые стали применяться одновременно с цилиндренными машинами. Перротину изобрёл во Франции Перро в 1834 г. Западные фабриканты вводили перротину, борясь с ремесленниками-набойщиками, чтобы избавиться от невыгодных для них условий договоров с рабочими.

Перротина представляла собою прямонабивную машину, которая печатала посредством плоских форм, механически воспроизведя ручное печатание «манерами». Печатание в несколько красок составляло основное преимущество перротины, имевшей трёхколерный, а потом четырёх- и пятиколерный механизмы. Перротина совершенно заменяла набойщика. «Каждая перротина, при действии двух человек, может набить двумя и даже тремя колерами от 30 до 50 штук ситца в 14 часов, на что прежде требовалось от 30 до 50 набойщиков при ручной работе. При введении в употребление перротины на ситценабивных фабриках набойщики совершенно утратили прежнее своё значение... Некоторые из них, более искусные, остались верными своему наследственному мастерству; а большая часть их поступила в резчики, мыльщицы, заварщики, артельщики и пр.»³

В. И. Ленин показал громадное влияние перехода к машине на положение рабочего: «Переход от мануфактуры к фабрике знаменует полный тех-

нический переворот, ниспровергающий веками нажитое ручное искусство мастера»...⁴

Перротина – прототип печатных машин. По своей конструкции она была ещё очень несовершенна: вместо быстро вращающихся печатных валов печатание в ней производилось при помощи неуклюжих плоских досок с рельефом; перротины были тяжелы на ходу, громоздки и дороги. Перротина успешно конкурировала с цилиндропечатной машиной, пока сохранялось её главное преимущество – печатание в несколько красок. В середине XIX в. в текстильной промышленности появились печатные машины, рассчитанные на нанесение узора многими (десятью) красками, вытеснившие перротину из ситцепечатного производства.

Одновременно с появлением машин вводились, хотя и медленно, другие усовершенствования в отделке ситцев. В 1829 г. в Иванове на фабрике Гарелина стали применять окраску бумаги и миткаля в адрианополюский красный цвет. Этот краситель в течение первой половины XIX в. считался лучшим. Для укрепления расцветок на тканях и для придания им яркости вместо заваривания стало применяться запаривание ситцев; «заварки» и «мытилки» ушли в прошлое.

Механизация отделочного производства вызвала возникновение в Иванове механических и химических заводов. В 30-х гг. в Иванове поселился Фрич, открывший механическое заведение, в котором изготовлялись набивные машины, отливались и чеканились цилиндренные валы, гравировались на них рисунки для набивки ситцев.

В 1838 г. в Иванове начал работать химический завод Лепёшкина. В 1850 г. завод вырабатывал химических продуктов на сумму до 99 000 рублей. Завод приготавливал купоросное масло, крон-кали, квасцы, хлористую известь, сахар-сутурн, гарансин и т. д. Завод имел паровую машину: выпаривание жидкостей производилось

Химический завод Лепёшкина.

парами; на заводе было 24 печи, 102 котла. Работали на заводе 84 человека.

Бумагопрядильное производство в России развивалось медленно. Первая бумагопрядильня в Иванове возникла в 1838 г. Бумагопрядильню открыл купец Н. А. Бабурин, существовала она не более года и в 1839 г. сгорела.

В 1848 г. появилась в Иванове бумагопрядильная фабрика Н. Гарелина.

Для этой фабрики были частично использованы строения и оборудование, уцелевшие после пожара на предприятии Н. А. Бабурина. В 1850 г. фабрика имела две паровых машины по 30 лошадиных сил каждая, 9912 веретён. Работали на фабрике 300 человек. Приготавливалось пряжи 11 000 пудов, на 118 650 рублей серебром. Хлопок выписывался из Англии.

Быстрый рост промышленных предприятий всё более обострял вопрос о топливных ресурсах. Основным топливом были дрова. Леса в окрестностях беспощадно и хищнически уничтожались. Необходимость заставила обратить внимание на богатый новый источник топлива в окрестностях Иванова – торф. В 1844 г. владимирский губернский механик инженер-технолог Несытов «внушал жителям Иванова и фабрикантам о выгодах, могущих быть от употребления торфа», и указывал болота.⁵ Инициативу Несытова не поддерживали, и торф не получил широкого применения до Великой Октябрьской социалистической революции.

Текстильная промышленность создавалась трудом местных рабочих. В селе Иванове иностранные мастера работали лишь на крупных предприятиях. Наряду с ними трудилось большое количество русских «умельцев», красоваров, механиков-самоучек и рисовальщиков, которые, часто не зная химии, составляли замечательные рецепты красок, чинили и конструировали различные машины; не имея понятия о техническом рисовании, создавали замечательные рисунки для ситцев, срисовывая узоры с полевых цветов или с оконных стёкол, разукрашенных морозом.

Много талантливых людей насчитывалось и среди ивановских «умельцев».

Образцы набойки XVIII и начала XIX вв., хранящиеся в Ивановском областном краеведческом музее, с мануфактур Грачёва, Ямановского и, особенно, Сокова, поражают яркостью красок и красотой рисунков. Эти ткани просуществовали более 150 лет, но краски до сих пор не потеряли своего первоначального цвета.

Трудом тысяч безвестных тружеников создавалась ивановская промышленность, а ивановские ситцы с рисунками самоучек-художников распространялись по самым отдалённым уголкам царской России, перекочёвывали через Урал и Кавказский хребет, караванами верблюдов увозились в Среднюю Азию.

Немало искусных изобретателей знало крепостное Иваново. К сожалению, очень немногие имена их сохранились для истории. Ивановский крестьянин Иван Ховрин известен был как механик-самоучка; он делал из дерева часы большого размера, а около 1835 г. устроил машину, способную набивать ситцы и накатывать медные валы. Семья ивановских крестьян Кашинцевых впервые в Иванове усовершенствовала деревянные манеры, начав вставлять в них латунь. «Химик» А. Миронов, он же Леднёв, одновременно был механиком. Он имел свою химическую «фабрику» и лавку, где торговал своей продукцией. Механик-самоучка Подгорков снял в аренду

у графа Шереметева мельницу на реке Уводи, сам по своим собственным вычислениям устроил колёса и приспособил, впервые в селе Иванове, силу воды для работы галандры. На фабрике Зубкова в течение 15 лет работал замечательный рисовальщик Владимир Ремезов.

Среди других изобретателей и «умельцев» нужно остановиться на А. А. Бабурине, который открыл новый дубитель из зёрен кувшинчика (болотного растения). Открытие Бабурина было подтверждено анализами, сделанными в Академии наук.⁶

Освобождение фабрикантов от крепостной зависимости. С началом машинного производства совпадает важное изменение в положении крепостных фабрикантов Иванова. Богатства выраставшей в недрах крепостного права ивановской буржуазии к 30-м гг. стали настолько значительными, что 15 семейств из 33 в 1825–1833 гг. выкупились на волю (до этого известен только один случай выкупа – фабриканта Грачёва Е. И. в 1795 г.).

Интересны условия, на которых происходил выкуп фабрикантов. Семья фабрикантов Гарелиных, выкупившаяся на волю в 1828 г., должна была предоставить «в собственность помещика всю свою недвижимость в селе Иванове, заключающуюся в фабрике и домах, ими устроенных на вотчинной земле, да пустошей, собственно им приобретённых, более семи сот десятин с крестьянами, живущими при домах и фабрике мужеска пола тридцати четырёх и женска пола тридцати пяти душ, которые по казённой цене, положенной по Владимирской губернии по триста рублей за душу мужского пола, стоили бы десять тысяч пятьсот рублей...». «Чтоб деньгами внесли они двадцать пять тысяч рублей...»⁷

С выкупом на волю крепостные фабриканты теснее сближаются с правительством, которое, в свою очередь, не могло не считаться с их растущей экономической силой. В 1830-х гг., по предложению владимирского губернатора, фабриканты села Иванова стали выбирать из своей среды «мануфактур-корреспондентов». Их обязанности заключались в том, что они собирали как по распоряжению губернатора, так и по мере надобности местных и окрестных купцов и фабрикантов для обсуждения различных вопросов, касающихся промышленности и торговли. Таким образом открывался путь для влияния фабрикантов на экономическую политику правительства. Сблизившись с правительством, фабриканты сблизились также с опорой правительства – православной церковью; раскол потерял прежнее значение.

Свободные от крепостной зависимости фабриканты стали строить фабрики вне села, главным образом вверх по течению реки Уводи; это вызвало дальнейший рост слобод около Иванова.

Выросла возникшая в 1821 г. слобода Ильинская, или Воробьёвская, в которой находились огромные склады бумажной английской пряжи шуйских купцов братьев Киселёвых, снабжавших пряжей Иваново и район до возникновения здесь местных бумагопрядилен. В этой же слободе выстроена была фабрика купцов Бабурина и Спиридонова.

В основанной в 1828 г. Дмитровской слободе построена была фабрика Зубкова и других купцов. В 1844 г. получила начало Вознесенская слобода. Здесь также стали строиться фабрики, первой из которых была фабрика купца Бабурина. К Вознесенской слободе примыкала слобода Троицкая.

Ильинская церковь.

В то время как около Иванова росли слободы, само село в 1839 г. подверглось опустошительному пожару. Выгорело почти всё село, сгорели все главные фабрики. Убыток, понесённый жителями от пожара, превышал три миллиона рублей. Масса рабочих-набойщиков оказалась в крайне бедственном положении, так как в связи с процессом внедрения машин в отделочное производство многие из них оказались без работы.

Капиталистическая мануфактура и машина. К 1850 г. промышленность Иванова и ивановских окрестностей – слобод Вознесенской, Дмитровской, Ильинской и д. Рылихи – представляла следующий вид.⁸

Наименование предприятий	Количество предприятий	Число рабочих		Продукция		Машины
		на фабрике	вне фабрики	количество	стоимость в рублях (серебром)	
Бумагопрядильные	1	200	–	11 тыс. пуд	118 650	2 паровые машины
Миткалево-ткацкие	6	993	9244*	206 132 куса	848 727	
Ситцево-отделочные	105**	5355	–	608 859 кусков	3 882 657	4 паровых машины, 6 перротин
Белильные	1	25	–	35 000 кусков	8 000	–
Химические	1	84	–	–	99 096	1 паров ая машина
Всего	114	6740	9244	–	4957130	7 паровых машин

* Станов вне фабрик от предприятий села Иванова – 7722.

** Сюда входят 53 мелких заведения.

Приведённые данные нельзя считать точными, но характер промышленности Иванова и его окрестностей они определяют достаточно полно. Отделочное производство, весьма значительное по размерам, механизировано, хотя ещё не полностью; имеются ещё и мелкие немеханизированные заведения. Миткалево-ткацкие фабрики указаны как отдельные предприятия. Бумаготкацкое производство с 1842 г., когда английская бумажная пряжа стала вытесняться русской, достигло широкого развития. Бумаготкацкие предприятия представляли собою чистейшего вида мануфактуру: механического ткацкого станка ещё нет, – 9244 ткача работают для шести предприятий по деревням. Мелкие предприятия, надо полагать, в приведённых данных не учтены.

«Миткалевые фабриканты» делились на три группы: к первой относились такие, которые вырабатывали миткаль на 1500–5000 станках, ко второй – на 100 до 1500 станков, к третьей принадлежали те, которые имели от 5 до 100 станков. В первой группе были купцы из крестьян, выкупившиеся недавно из крепостной зависимости и приписавшиеся к купечеству какого-либо из соседних городов. Они владели большими капиталами и вырабатывали от 30 до 100 тысяч штук миткаля ежегодно. Выработка миткаля для этих фабрикантов производилась главным образом при помощи комиссионеров, но были у них, хотя и в незначительном количестве, мелкие ткачи, работавшие непосредственно на «фабрикантов» дома или на фабрике. Выработанный миткаль употреблялся ими на своих ситцевых фабриках, если таковые были, или продавался ситцевым фабрикантам, у которых не было своих ткацких.

«Фабриканты» второй группы состояли из мелких купцов или крестьян. Выработка миткаля производилась отчасти через комиссионеров, но более слабых ткачей, «мелочных», работавших дома непосредственно на предпринимателя, занято у «фабрикантов» было больше. Вырабатывалось у таких «фабрикантов» от 2 до 30 тысяч штук миткаля ежегодно.

К третьей группе принадлежали «фабриканты»-ткачи, или «мастерки», которые вырабатывали миткаль иногда одним своим семейством, иногда с помощью близких и знакомых; у таких «фабрикантов» вырабатывалось до 2000 кусков миткаля. «Мастерки» состояли почти исключительно из крестьян. Годовой оборот их от 5 до 10 тысяч руб. Торговали они, главным образом, на базарах Иванова. Работа производилась в избах.

Эти «фабриканты» были в то же время и рабочими: они клеили, сновали и разматывали пряжу сами с жёнами и детьми. Конкуренции с крупными фабрикантами они выдержать не могли и в затруднительных обстоятельствах становились рядовыми ткачами.

Посредниками между ткачами и фабрикантами часто являлись комиссионеры, бравшие у фабрикантов на комиссию бумажную пряжу для обработки в миткаль. Пряжу они брали или обработанную («клубовщики») или необработанную («бумажники», или «пачечники»). Для ткачей у комис-

сионеров были свои светёлки на 5, 10, 15 и более станов. Комиссионеры-клубовщики вырабатывали в год от 100 до 1000 основ.⁹

В. И. Ленин, отмечая, что капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян, даёт следующую характеристику хлопчатобумажного ткачества до появления машинной индустрии, полностью подтверждаемую прошлым Иванова.

«Во главе промысла, — писал В. И. Ленин, — стояли крупные капиталистические мастерские с десятками и сотнями наёмных рабочих; хозяева этих мастерских, обладая крупными капиталами, производили в широких размерах закупку сырья, отчасти перерабатывая его в своих заведениях, отчасти раздавая пряжу и основу мелким производителям (светёлочникам, заглодам, мастеркам, крестьянам-«кустарям» и пр.), которые и ткали у себя дома или в мелких заведениях материи за сдельную плату... Светёлки или дома, в которых работают ткачи, представляют из себя лишь внешние отделения мануфактуры. Техническим основанием подобной промышленности является ручное производство с широким и систематическим разделением труда; с экономической стороны, мы видим образование громадных капиталов, которые распоряжаются закупкой сырья и сбытом изделий на весьма обширном (национальном) рынке, и в полном подчинении у которых находится масса пролетариев-ткачей; немногочисленные крупные заведения (мануфактуры в узком смысле) господствуют над массой мелких».¹⁰

Ручное ткачество уже не могло удовлетворить быстро развивавшееся механизированное ситцепечатное производство ни в количественном, ни в качественном отношении; кроме того, фабриканты, усиливая эксплуатацию рабочих, стремились иметь ткачей под своим полным контролем. В начале 1850-х гг. на предприятиях Иванова началась ликвидация ручного ткачества.

В 1853 г. на фабрике Я. П. Гарелина установлены первые 120 механических ткацких станков.¹¹

Для конкретной характеристики крупного предприятия села Иванова, в котором соединялись механизированное отделочное производство и раздаточная контора для выработки миткаля по деревням, приведём данные о «ткацкой миткалевой и ситцевой набоешной фабрике» купцов (бывших крепостных) братьев П. и Н. Гарелиных за 1837 г. Это предприятие выросло из старой полотняной мануфактуры Гарелиных, существовавшей ещё в XVIII в. До 1837 г. предприятие официально считалось собственностью графа Шереметева, владель-

ца села, за которым оставалось после выкупа из крепостной зависимости Гарелины; в 1837 г. Гарелины выкупили предприятие у Шереметева.

В «Ведомости» за 1837 г. фабрика характеризуется следующим образом: «фабричные строения состоят из каменных корпусов – одного четырёхэтажного, трёх двухэтажных, четырёх одноэтажных, двух каменных амбаров и каменного двухэтажного дома.

На фабрике имеется паровая машина в 12 лошадиных сил, цилиндренная о ста валах для печатания ситцев, две граверных машины, паровой котел для варки миткалей, паровой котел для выварки миткалей, паровой котёл для заварки ситцев».

В течение года «выработано из отпущенной с фабрики бумаги прикащикам, а от них розданной ткачам в селения разных округ миткалю: 53 200 штук общей мерой 2652,4 тыс. аршин и стоимостью 1139,5 тыс. рублей. Кроме того, куплено у разных фабрикантов 20 тыс. штук – 1020 тыс. аршин стоимостью 401,7 тыс. рублей.

Из выработанного и купленного миткаля набито ситцев – «саксонских, мебельных, забалканских и других ручных», а также «пунцовых цилиндренных, платков пунцовых всего 79 800 штук, на 2 750 550 руб.». На фабрике работали всего 3877 человек. Бумажная пряжа употреблялась английская.¹²

Однако в 40–50-х гг. в Иванове преобладали ещё мануфактуры. Машины имелись лишь на нескольких крупных предприятиях. Большая же часть их обслуживалась ручным трудом.

Сбыт. Первое место в сбыте ивановских ситцев занимала Азия через Нижегородскую и Ирбитскую ярмарки. По данным 1850 г. из 1 140 823 штук проданного товара на Нижегородской ярмарке продано 311 547 штук, на Ирбитской – 86 762 штуки.

Значительную роль играли украинские ярмарки: Харьковская, Роменская, Коренная, Королевская, Сумская, Урюпинская, Михайловская, а также Саратовская, Симбирская, Мензелинская, Корсунская и др. Кроме того, продажа производилась на местных ярмарках и в Москве; в Москве было продано 163 078 штук, в Иванове при фабриках 295 894 штуки. Продажа производилась в Казани и Тифлисе.

В 1844 г. рядом фабрикантов Владимирской губернии было учреждено товарищество для сбыта изделий русской промышленности в ханствах Средней Азии. Оно просуществовало до 1848 г. В 1848 г. московские и ивановские фабриканты учредили «Общество закавказской оптовой торговли», конторы которого находились в Москве, Иванове и Тифлисе. Общество просуществовало до 1858 г.¹³

Образование Вознесенского Посада и его хозяйство. Освободившись от крепостной зависимости и перенеся деятельность в соседние с Ивановом слободы, фабриканты постарались закрепить своё положение организацией около Иванова самоуправляющейся единицы – Вознесенского Посада. Фабрикантов поддержал владимирский губернатор, который об-

ратился 17 октября 1845 г. с представлением к министру внутренних дел «о предполагаемом учреждении города возле села Иванова в Вознесенской слободе». В положении о Вознесенском Посаде, утверждённом правительством 9 декабря 1853 г., говорилось: «Из слобод Вознесенской, Дмитровской, Ильинской, Троицкой, Березников и пустоши Ковригиной, Шуйского уезда, Владимирской губернии, со всеми принадлежащими к тем слободам землями, образовать посад под названием Вознесенского». Для производства «хозяйственных, общественных и сиротских» дел в посаде учреждалась дума из посадского головы, двух гласных и секретаря. Судебные дела купцов и мещан посада оставались в ведении Шуйского городского магистрата, а полицейское управление – в ведении Земского суда. Для производства следствий и разбора жалоб в посаде находился помощник пристава 2-го стана Шуйского уезда.¹⁴

В 1854 г. 7 июня открылась Посадская дума. Посадским головой был выбран фабрикант И. А. Бабурин.

Так рядом с Ивановской крепостной вотчиной вырос «Вознесенский Посад» – опора местной буржуазии. На разговорном языке того времени Вознесенский Посад носил характерное название «Новой земли».

Хозяйство нового посада имело незначительные размеры. Доходный бюджет Вознесенского Посада в 1858 г. составлял 3439 руб., а расходный 1293 руб. Сокращать расходы и оберегать свой кошелёк – с самого начала стало принципом хозяйничанья буржуазии. «Начинался было, – говорит Я. П. Гарелин о работе думы 1854 г., – вопрос об устройстве в Посаде приходского училища, но так как на содержание его нужно было 425 руб. ежегодно, не считая квартиры, то положили довольствоваться училищами, находящимися в селе Иванове, в котором училищ этих было три». Больше энергии проявили хозяева Посада в вопросе, не требовавшем расходов, но сулившем выгоды фабрикантам и торговцам Посада, – об учреждении ярмарок. Довольно быстро до-

Схематический план села Иванова и Вознесенского посада (1856 г.).

бились их открытия – в 1858 г. в Посаде было две ярмарки: Всехсвятская и Михайловская, на которых продали товаров почти на 100 000 руб.

Необходимость, однако, вынуждала приняться и за некоторое благоустройство. Посад и село Иваново, тесно связанные экономически, разделялись рекою Уводью, она же разделяла и самый Посад, а моста через реку не было. В 1860 г. для связи Посада со слободами Дмитровской и Ильинской закончили постройку первого так называемого Зубковского моста через Уводь.

В 1858 г. на «пожертвования» начали постройку «больницы для мастеровых и рабочих». Содержание больницы возложили на рабочих, которые ежегодно за плату должны были приобретать больничные билеты, дававшие право на лечение.

Больница для мастеровых и рабочих на Николаевской улице (не сохранилась).

Иваново и Вознесенский Посад в конце 50-х гг. XIX в. К 60-м гг. XIX в. итоги промышленного роста села Иванова и Вознесенского Посада были очень значительны.

В статье «Журнала министерства внутренних дел» за 1857 г. указывалось по Вознесенскому Посаду «населения 3630, домов 235, фабрик, заводов и других строений 402. Вырабатывается миткалей, ситцев и платков до 450 000 кусков на сумму 2 250 000 руб. серебром. Продаётся москательных товаров и пряжи на 1 300 000 руб. серебром. Всего на 3 550 000 руб. серебром...». «Если к показанным цифрам, – говорится в статье, – приложить до 8935 человек, проживающих в смежном с Вознесенским Посадом селе Иванове, а в нём до 155 домов каменных и до 1240 деревянных и если представить в сложности годовой оборот капиталов здесь на пространстве пяти вёрст проживающих купцов, простирающийся до 10 000 000 руб. серебром, тогда всякий согласится, что эту местность не без основания называют Русским Манчестером».

Более определённые сведения о промышленности Иванова и Вознесенского Посада приведены в одной из статей «Вестника промышленности» за 1859 г. В итогах эти данные следующие:

Виды производства	Количество предприятий	Продукция в штуках	Рублей серебром
1. Выработка ситцев			
в Иванове	29	463 000	3 033 500
в Вознесенском Посаде	11	190 000	1 300 000
в слободе Дмитровке	5	193 100	1 489 000
Итого	45	846 000	5 822 500

2. Выработка миткалей:			
в Иванове	3	130 000	455 000
в Вознесенском Посаде	3	50 000	175 000
в слободе Дмитровке	2	30 000	105 000
Итого	8	210 000	735 000
3. Выработано бумажной пряжи			
в Иванове	1	26 000 пудов	387 500
4. Выработано химических товаров			
в Дмитровке	1	–	400 000
Всего	55	–	7 345 000

Автор пишет: «Эта огромная цифра выработки села Иванова с Посадам далеко ещё не полна, потому что многие мелкие заведения, как ситцевые, так и другие, по незначительности своей и по малоизвестности не вошли в мой перечень. Выработку их можно положить, без большой погрешности, количеством ситца в 30 000 штук, суммою в 300 000 руб. серебром. И таким образом, вся сумма произведений ивановских фабрик превзойдёт 7½ миллионов рублей серебром, исключая торговых оборотов Иванова, как-то: бумажною пряжею, суровым миткалём и другими товарами, привозимыми еженедельно на ивановские базары...»

О том, что представляли ситценабивные предприятия, можно судить по приведённым в статье данным о количестве и сумме выработки.

Количество выработки	Количество предприятий
От 2 до 5 тыс. штук	11
„ 6 „ 10 „ „	11
„ 11 „ 15 „ „	8
„ 16 „ 20 „ „	5
„ 21 „ 25 „ „	3
„ 26 „ 30 „ „	1
„ 31 „ 35 „ „	1
„ 36 „ 40 „ „	2
„ 80 „ „ „	1
„ 95 „ „ „	1
„ 104 „ „ „	1

Как видно, значительное количество предприятий было ещё мелкого типа.

О характере бумаготкацкого производства автор делает такие замечания: «В тканье до сих пор преобладает здесь ручная работа. Главною причиною малого развития здесь механических станков есть их дороговизна вместе с дороговизною строительных материалов и чернорабочего народа... Но, несмотря на это, все-таки в здешней местности будущей зимой пускается в ход до 800 вновь устраиваемых станков, могущих с помощью 800 человек заменить 10 000 ручных ткачей...¹⁵

Окончательная победа механического ткацкого станка произошла в следующем десятилетии.

Положение рабочих и сельской бедноты. Рабочая масса Иванова в этот переходный период имела очень пёстрый состав. Возникшие бумагопрядильни в техническом отношении являлись фабриками в полном смысле слова, но рабочие в них, хотя и «вольнонаёмные» фабриканта, оставались в большинстве крепостными помещиков, отпущенными на оброк. В отделочном производстве на механизированных предприятиях простой рабочий, тоже «вольнонаёмный» из крепостных, заступил место старого набойщика. Незначительное количество набойщиков кое-где оставалось на механизированных предприятиях для некоторых видов работ или на доживавших последнее время мелких предприятиях. Значительное количество ткачей, тоже главным образом крепостных оброчных крестьян, делилось на две неравных группы: небольшая часть работала в помещениях предпринимателя, принося свой челнок; работали крестьяне обыкновенно только зиму, а на лето уходили домой. Другая большая часть работала на дому в селе Иванове или окрестных деревнях; в значительном количестве работали женщины, и дети. Обе группы ткачей являлись чисто мануфактурными рабочими, находившимися в подчинении непосредственно крупного предпринимателя или его посредника-комиссионера.

Интересное описание работы «ткачей фабричных» и «ткачей мелочных» накануне введения механического ткацкого станка даёт Я. П. Гарелин: «Фабричные ткачи всегда возраста среднего, так как ни малолетние, т. е. подростки, ни старики на фабрику ткать не ходили, а занимались этим дома... Ткач приходил, принося с собой один челнок, стоящий 60 или 80 копеек серебром; прочие ткацкие принадлежности были хозяйские. Являясь на фабрику, ткач прежде всего отправлялся в ткацкую светёлку осмотреть, хороши ли основы и пр., и после всех справок являлся в контору с просьбой: «Не посадите ли поткать?» Контора справлялась, а иногда и не справлялась об его поведении, с охотой давала места. Получивши место и основу, ткач тут же просил или приходил несколько позже за деньгами и просил вперёд рублей 5–10. Контора не отказывала обыкновенно, но требовала от него свидетельства от известных ей ткачей об его безукоризненном поведении. Получив основу, навив её на навой и продев в нити и бердо, ткач получал на одну штуку утка около 2 фунтов. Всё это записывалось в конторе в книгу в особой для каждого ткача статье под известным номером. Выткав штуку в двое-трое суток или в неделю, ткач приносил её в контору. Там принимали, весили, записывали в книгу и браковали, т. е. смотрели, хорошо ли она сделана. Если она сделана не безукоризненно хорошо, т. е. если имеет близны (полоски вдоль полотна) или недосеки (полоски поперёк полотна), то штрафовали ткача... Когда ткач выткал всю основу и доставлял последнюю штуку (штук в основе было от 4 до 6 и длина основы всегда была одинакова 250 арш.), контора поверяла вес выданной ткачу пряжи, причём на угар и растерю скидывала ему фунта полтора с пуда.

Мелочные ткачи, работающие на дому, брали основы из фабричной конторы к себе на дом для своего семейства и ткали их у себя в избах или в

особо устроенных светёлках. Такие ткачи являлись в контору обыкновенно с такими просьбами: «не пожалуете ли основы?» или «не дадите ли основы», а то и просто задавали вопрос: «раздаёте ли основы-то?» Контора, справясь о месте их жительства, о поведении, о том, не промотали ли уже у кого из соседних фабрикантов основы или утка и получая одобрительный отзыв, давали основы с утком и бёрдами, а иногда и деньгами вперёд от 3 до 5 рублей на стан. Порядок выдачи этим ткачам основы и утка и приёма миткаля такой же, как у фабричных ткачей, только на угар скидывалось, вдвое меньше, т. е. около $\frac{3}{4}$ фунта с пуда. Происходило это от того, что миткаль, приносимый им в контору, постоянно был сырой и тяжелее фабричного. Для этого употреблялись различные уловки: одни потили его в сыром месте, другие клеили уток в пшеничной муке, иные насыпали песку или снегу в середину штуки, – а не то без всякой хитрости напрыскивали штуку водой и так мокрую приносили без зазрения совести...»¹⁶

Заработок отживавшего своё время набойщика неуклонно снижался. В 1810 г. месячный заработок набойщика выражался в 12–20 руб. серебром, в 1830 г. – 8–15 руб., а в 1850 г. только 6–12 руб. Надо иметь в виду, что в это время резко поднялась цена на хлеб.

Жизнь вздорожала в три раза, а заработная плата снизилась в два раза.

Ткачи в помещении предпринимателя в течение девяти месяцев (на три летних месяца они уходили домой) зарабатывали в 1840 г. максимально 6 руб. серебром в месяц, а в среднем 3 руб. 50 коп. в месяц; домашние ткачи редко зарабатывали за девять месяцев до 30 руб., средний заработок их за этот срок не превышал 15 рублей.

О каком-либо регулировании рабочего времени в заведениях фабрикантов, не говоря уже о домашних ткачах, не могло быть и речи.

На распорядке работы и отношениях с владельцем предприятия лежала печать крепостной эпохи.

Отсутствие настоящего надзора за безопасностью в первое время применения машин вызывало многие несчастные случаи.

В дневнике фабриканта Полушина записано: «1850 год. Октябрь 14. В шестом часу утра у моего соседа и двоюродного брата П. А. Зубкова случилось несчастье: на его ситцевой фабрике разорвало паровой котёл в 20 сил, и паром у него обварило работающих тут людей 35 человек, из коих в течение 12 часов померло 27 человек».¹⁷

Никакой ответственности за несчастные случаи на фабриках хозяева не несли. Обыкновенно дела прекращались со ссылками на статью 1169 «Свода законов уголовных» и статью 97, которые говорили о прекращении дела за бездоказанностью обвинения. Суд обычно устанавливал, что несчастный случай произошёл по неосторожности, свидетели это подтверждали, а поэтому на основании указанных статей выносилось решение: «предать суду и воле божьей».

Приведём несколько таких судебных дел.

На ситцевой фабрике Д. П. Кукушкина обварился крестьянский мальчик Павлов 14 лет. Мальчик был послан присматривать за кипящим кубом, где вываривался розовый ситец. Скопившимся паром выломало крышку котла, выкинуло штуку ситца и обварило всю спину и правую руку мальчика. Его вынесли замертво. Заварщик в этот момент отлучился и за котлом не наблюдал, тем не менее, дело было прекращено, а потерпевший Павлов был приговорён к штрафу в 60 коп. или наказанию розгами за то, что проживал с просроченным билетом.¹⁸

На бумагопрядильной фабрике Гарелина крестьянский мальчик из деревни Лопатино, Ковровского уезда, – Николай Ильин, обметая трёпальную машину на ходу, попал в шестерню, где ему оторвало два пальца. Мальчик умер в больнице от «водяной брюшной болезни». По делу привлёкся фабричный пристав Дмитриев, но от наказания он был освобождён.¹⁹

В результате внедрения машин в производство в Иванове образовался небольшой слой технической интеллигенции, в состав которой входили колористы, механики, рисовальщики, гравёры, накатчики, приказчики и конторщики. Эта материально более обеспеченная группа служила опорой буржуазии. По словам самих фабрикантов, рабочие при ничтожной оплате, жестоких штрафах и при постоянной угрозе потерять место всё более «озлоблялись». Среди рабочей массы, жестоко эксплуатируемой, укреплялась, нарастала классовая ненависть к буржуазии.

О крайне приниженном положении рабочих современник – писатель Ф. Д. Нефёдов писал: «Все работники – мужчины, женщины и дети – при выходе из фабрики подвергаются обыску. Их заставляют раздеваться и осматривают сверху донизу, шарят всюду, куда только может проникнуть рука обыскивающего. У одних фабрикантов это делается при самом выходе из здания, у других – в воротах, у третьих – везде: при выходе из здания, на дворе и у ворот. Мало того, сравнительно ещё в недавнее время на некоторых фабриках существовали ременные плети, которыми при всяком удобном случае хозяин и приказчик полосовали рабочих – мужчин, женщин и детей. На одного из таких, самых крупных фабрикантов Иванова, рабочие, в числе 600 человек, жаловались местному становому: последний явился на фабрику, произвёл следствие и нашёл плети. Но фабрикант вышел из этого чистым, а становой был уволен с должности. Этот факт относится к 50-м годам».²⁰

Тяжело было положение и сельской бедноты Иванова. В это время особенно усилилась эксплуатация помещиком – владельцем села. Отпустив за большую сумму на волю самых богатых фабрикантов, общую сумму оброка, платившегося крестьянами, Шереметев удержал в прежнем размере. Оставшимся в крепостной зависимости крестьянам приходилось платить и те оброчные деньги, которые вносились выкупившимися, т. е. оброк с выкупившихся богатых фабрикантов помещик переложил на оставшуюся бедноту и средние слои населения. Вместо 45 руб. с тягла, платившихся до выкупа

фабрикантов, теперь приходилось платить от 75 до 87 руб. с тягла, сумма оброка повысилась почти вдвое.²¹

Волнения рабочих. В 1848 г. произошло выступление ивановских рабочих на механизированной ситцепечатной фабрике Я. Гарелина. На фабрике имелась паровая машина в 40 сил с тремя паровыми котлами в 75 сил; для печатания ситца была одна цилиндренная трёхколерная машина с 180 медными валами, две цилиндренные одноколерные машины с 220 медными валами, перротина. Фабрика выпускала более 70 000 штук ситца, на сумму свыше 600 000 руб. Рабочих и служащих на фабрике насчитывалось около 700 человек.

В июле 1848 г. в Иванове появилась холера. Рабочие, боясь ли распространения болезни или пользуясь этим предлогом, чтобы уйти в деревню на полевые работы, потребовали расчёта. Фабрикант Гарелин, «услышав требование их, стал посылать на работу, но рабочие объявили, что работать не станут... и с этим ответом хотели идти к становому приставу, но купец Гарелин приказал запереть ворота и выслать набойщиков». По заявлению Гарелина, рабочие «хотели его прибить: некоторые из них схватили его за горло и разорвали сюртук, так что хотели его убить». Одного из зачинщиков – Ивана Фёдорова – Гарелин «приказал запереть в амбар, из которого уже через несколько времени он был выведен, скован и отправлен в становую квартиру», другого рабочего – Е. Максимова – Гарелин «подозвал к себе, ударил рукою по лицу и хотел тащить в контору, рабочие же за него ухватились и не хотели отдать, но пришедшие набойщики у них отняли и отвели в контору». Дознанием установлено, что «буйства рабочих на фабрике не было, а только они не хотели жить у Гарелина, опасаясь появившейся холеры». Гарелин уведомил губернатора, что он «простил тех людей по христианскому милосердию».²² Характерно, что Я. Гарелин немедленно пустил в ход кулаки и обратился с жалобой к становому приставу при первом же столкновении с рабочими, о тяжёлой жизни которых он сам же писал.

Культура и быт села Иванова. Культурный уровень жизни Иванова и соседнего с ним Вознесенского Посада был очень низким. По данным 1855 г. в Иванове имелось три училища: Ивановское вотчинное, открытое в 1820 г., содержалось за счёт владельца; Покровское, открытое 11 июля 1847 г., находилось на «иждивении» «почётного гражданина» Я. П. Гарелина и училище при фабрике «почётного гражданина» А. И. Бабурина, открытое 19 января 1847 г. и состоявшее на его содержании. В этих трёх училищах работали только пять учителей, обучавших всего 175 учеников. При Покровском училище «компанией купцов» заведена общественная библиотека для чтения, имевшая до 400 книг. Таковы были средства образования при наличии одних рабочих в селе и окрестностях до 7000 человек. При недостатке школ, а часто вследствие нежелания родителей направлять в них детей, так как население в основном оставалось старообрядческим, большое распространение в Иванове по-прежнему имели «домашние учителя»; в роли их нередко

выступали раскольничьи начётчики и начётчицы. В делах Шуйского уездного училища, на зрителе которого лежала обязанность надзора за школами села Иванова, сохранились доносы на «незаконное» обучение некоторыми лицами детей в своих квартирах.²³ Только с 1850-х гг. стали входить в употребление книги гражданской печати.

Бытовой уклад жизни коренного населения села Иванова носил во многом черты патриархальности, поддерживаемой издавна распространённым в Иванове расколом – старообрядчеством, но разлагавшейся под влиянием новых социальных отношений в связи с развитием промышленности и притоком пришлого населения. В семейной жизни сохранялась непререкаемая власть главы семейства. Это особенно резко проявлялось в устройстве браков. Выбор невесты делался родителями жениха, как правило, без всякого его согласия. Родители жениха и невесты уславливались о приданом невесты, а жених должен был платить отцу невесты известную сумму от 25 до 100 рублей серебром вроде выкупа, смотря по зажиточности крестьянина и богатству «приданого» невесты. Предсвадебное и свадебное время сопровождалось многочисленными обрядами.

При полном отсутствии образования в народных массах сохранялось примитивное представление о природе и её явлениях. Силы природы олицетворялись в образах леших, домовых, водяных; способы воздействия на эти силы искали в «наговорах» и «заговорах» через колдунов, ворожей и знахарей.

Тяжёлая трудовая жизнь населения сопровождалась элементарными развлечениями. В праздничные дни происходили гулянья по улицам села под звуки гармоний. В летнее время отправлялись погулять в окрестности села на речки Талку и Харинку. Некоторые улицы села имели свои праздники и гулянья. Шумно проводились святки и масленица. На святках толпы ряженой молодёжи с музыкой ходили по домам, разыгрывая представления «атамана разбойников», девушки развлекались гаданиями. Старинным весенним праздником был «семик» – праздник девушек, «завивавших» берёзку.

В большом ходу (между 1820–1850 гг.) в Иванове были кулачные бои. Боями увлекались и «фабриканты» и рабочие.

Но новые веяния проникали и в жизнь села Иванова.

Интересным явлением в жизни Иванова конца крепостного периода была попытка организации здесь «публичного» театра. Организатором явился местный крепостной крестьянин А. И. Шаров. Сам он не был актёром и взялся за содержание театра как подрядчик. Явление – очень характерное для развивавшихся в селе Иванове капиталистических отношений.

Собрав летом 1852 г. труппу, Шаров отобрал у актёров паспорта и сдал их полицейскому приставу. Не позаботился Шаров о выполнении главного условия, обязательного в то время для провинциальных театров, а именно – о представлении репертуара на утверждение в высший полицейский орган – третье отделение «Императорской канцелярии». Это погубило театр.

Владимирский губернатор, услыхав о существовании театра в Иванове, затребовал репертуар для представления в «третье отделение». 30 июня 1852 г. «реестр пьесам» за подписью «его сиятельства графа Дмитрия Николаевича Шереметева села Иванова крестьянина Якима Шарова» был получен губернатором. В реестре указано 20 пьес. Приводим название некоторых:

1. «Его превосходительство, или средство нравиться», – оригинальная комедия-водевиль в одном действии, сочинение Коровкина.
2. «Так, да не так» – комедия-водевиль в одном действии, сочинение Коровкина.
3. «Новички в любви» – комедия-водевиль в одном действии, сочинение Коровкина.
4. «Стряпчий под столом» – водевиль в двух действиях, сочинение Ленского.
5. «Дезертир», или тоска по отчизне» – водевиль в одном действии, перевод с французского Ленского.
6. «Деловой человек, или дело в шляпе» – водевиль в одном действии, сочинение Кони.
7. «Волшебная флейта, или плачет да танцует» – водевиль в одном действии, сочинение Б-ва.
8. «Учитель и ученик, или в чужом пиру похмелье» – опера-водевиль в одном действии, сочинение Писарева.
9. «Комедия с дядюшкой» – опера-водевиль в одном действии, сочинение Григорьева.²⁴

Утверждение репертуара задержалось, и театр Шарова прекратил своё существование.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин. Соч., т. 3, стр. 443.
2. И. Несытов. Колеристы и набойщики Владимирской губернии. Владимирский историко-статистический сборник. 1869, стр. 56.
3. И. Несытов. Колеристы и набойщики Владимирской губернии, стр. 61.
4. Ленин. Соч., т. 3, стр. 397
5. В. Ф. Свирский. Фабрики и заводы Владимирской губернии. 1890, стр. 50.
6. В. В. Данилевский. Русская техника, Л., 1948, стр. 228.
7. Госархив Ивановской области. ОДФ. Я. П. Гарелин – иваново-вознесенский фабрикант, оп. 1, д. 1-а, лл. 142–143.
8. П. Крюков. Очерк мануфактурно-промышленных сил Европейской России. СПб, 1855.

- 9 Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 215–223.
- 10 Ленин. Соч., т. 3, стр. 337–338.
- 11 Госархив Ивановской области. ОДФ. Д. Г. Бурылин – иваново-вознесенский фабрикант, оп. 1, д. 301-а.
- 12 Там же.
- 13 М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на среднем востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.–Л., 1949, изд. Академии наук СССР, стр. 295–296.
- 14 Полное собрание законов. Собрание 2-е, т. XXVIII, ст. 27756.
- 15 «Вестник промышленности» № 10, 1859, т. IV, отд. 1, стр. 9–26.
- 16 Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 218–223.
- 17 Русский архив, 1898, книга 6, стр. 205.
- 18 Госархив Ивановской области. ОДФ, ф. 391, оп. 1, д. 2938.
- 19 Госархив Владимирской области. ОДФ. Фонд губернской палаты уголовного суда, оп. 1, д. 1844.
- 20 Ф. Д. Нефёдов. Сочинения, т. I, стр. 21–22. ИвГИЗ. 1937.
- 21 Я. П. Гарелин. Город Иваново-Вознесенск. Ч. 1, стр. 210.
- 22 Е. Ф. Дюбюк. Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса XVIII и XIX вв. Вып. 1, 1929, стр. 20–24.
- 23 Госархив Ивановской области. ОДФ. Шуйское уездное четырёхклассное училище, оп. 1, лл. 22, 196, 203.
- 24 Из прошлого Владимирского края. Сборник 1, 1930.